

Сытько Анна Васильевна

кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой фонетики и грамматики

немецкого языка

Минский государственный

лингвистический университет

г. Минск, Беларусь

Anna Sytko

PhD in Philology, Associate Professor,

Head of the Department for German

Phonetics and Grammar

Minsk State Linguistic University

Republic of Belarus, Minsk

sytko.mglu@gmail.com

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ДЕОНТИЧЕСКИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ: СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА

(на материале немецкого и русского языков)

NEGATIVE DEONTIC STATEMENTS: SEMANTICS AND PRAGMATICS

(on the Material of the German and Russian Languages)

В статье рассматривается семантический и прагматический аспект деонтического высказывания с отрицанием на материале немецкого и русского языков. Описаны типы взаимодействия отрицания и влияние отрицания на модификацию аксиологической и алетической презумпции деонтического высказывания. Выявлена прагматика конструкций с деонтическим субъектом 1-го и 2-го лица с учетом взаимодействия отрицания либо с деонтическим предикатом, либо со смысловым глаголом.

Ключевые слова: *деонтическая конструкция; отрицание; смысловой глагол; деонтический предикат; аксиологическая/алетическая презумпция; прагматика.*

The article considers the semantic and pragmatic aspects of the deontic utterance with negation on the material of the German and Russian languages. It describes the types of interaction of negation and the influence of negation on the modification of the axiological and alethic presumption of a deontic statement. The study reveals the pragmatics of constructions with the deontic subject of the 1st and 2nd person, taking into account the interaction of negation either with a deontic predicate or with a semantic verb.

Key words: *deontic construction; negation; semantic verb; deontic predicate; axiological/alethic presumption; pragmatics.*

Ведущей дихотомией в философии и логике, перенесенной в лингвистическую семантику, в целом является «утверждение/отрицание». Вопрос семантического вклада оператора отрицания в высказывание интересует ученых с древних времен. Утверждение является членом бинарной оппозиции: наличие/отсутствие чего-либо. Следовательно, как только речь заходит об утверждении, сразу же появляется «тень» его противочлена – отрицание. Не является в этом аспекте исключением деонтическое высказывание, которое реализуется чаще всего утвердительным высказыванием и выражает социально обусловленное и связанное с системно-нормативными ограничениями человеческой деятельности отношение к действию.

Согласно аристотелевской теории отрицания, основанной на четырех видах оппозиций (соотношение: корреляция *болен/здоров*; противополож-

ность: *добрый/злой*; отсутствие, противопоставленное наличию; противоречие) [1, р. 6], каждой утвердительной пропозиции с определенным субъектом и предикатом соответствует отрицательная пропозиция с идентичными субъектом и предикатом [2, р. 38]. В случае утвердительного и отрицательного модального высказывания речь идет о контрадикторной оппозиции или о противоречии. Определяющим критерием оказывается синтаксический: утвердительный и отрицательный члены оппозиции формально идентичны во всем, кроме того, что в отрицательном высказывании имеет место оператор отрицания [1, р. 14]. Аспект истинности/ложности, о котором рассуждает философ, в случае деонтического высказывания является нерелевантным, поскольку деонтический предикат обуславливает снятую утвердительность. Иными словами, если отрицание возможности интерпретируется как отсутствие возможности, или невозможность (ср. *могу/не могу*), то отрицание в деонтическом высказывании не означает не-необходимость ср.: *ты должен молчать* (обязательность действия) – *ты не должен молчать* (обязательность недействия).

В современной лингвистике категорию модальности и отрицания рассматривают в тесной связи. Однако такое словосочетание как отрицательная деонтика требует рефлексии. *Целью* работы, таким образом, является выявление семантических и прагматических характеристик отрицательных деонтических конструкций в двух языках – русском и немецком. Эмпирическим материалом послужили контексты из корпусов национальных языков – русского (НКРЯ) и немецкого (DWDS). Под отрицательными в работе понимаются конструкции с оператором отрицания. В данной работе сопоставляется прагматика перволичных конструкций с субъектом *я*, как в целом самых употребительных, и второличных конструкций, активно используемых в диалогической коммуникации.

1. Типы взаимодействия компонентов деонтической конструкции с отрицанием

Ядерным средством выражения деонтического отношения выступает деонтическая конструкция, так называемый модально-глагольный комплекс, объединяющий обязательные структурно-семантические компоненты, а именно деонтический субъект, деонтический маркер и инфинитив смыслового глагола. В зависимости от того, какой компонент отрицается, исследователи выделяют два типа конструкций (см. [3; 4, с. 214; 5, с. 72]: 1) с отрицанием деонтического предиката, т.е. с контрарным отрицанием; 2) с отрицанием смыслового глагола, т.е. со смещением/подъемом отрицания. В немецких грамматиках говорят о двух видах отрицания в модальных высказываниях: «внутреннем», когда отрицается содержание пропозиции (действие/состояние), и «внешнем», когда отрицается содержание модального глагола [6, S. 559–560]). Внешнее (пропозициональное) отрицание свидетельствует об отсутствии положения дел, описываемого в отрицаемом высказывании. Подобное высказывание трансформируется посредством оборота «неверно,

что», за которым следует отрицаемая пропозиция: *du musst das nicht tun = falsch, dass du das tun musst*. Внутреннее отрицание входит в состав высказывания.

Отрицание деонтического предиката подразумевает наличие альтернативы: *не должен P = можешь делать P, можешь не делать P*, что делает высказывание слишком неопределенным, поэтому при интерпретации деонтического высказывания, как подчеркивает И. Б. Шатуновский, «одна из альтернатив должна быть отброшена, что «бросает» осуществление *P* на «произвол» свободной воли адресата» [3, с. 78–79]. Иными словами, оператор отрицания в деонтической конструкции ведет к активному проникновению алетического значения в семантику модального высказывания, предоставляя выбор из двух возможностей, утвердительной и отрицательной, и высказывание свидетельствует об отсутствии обязательности. При этом алетическая презумпция высказывания указывает одновременно на онтологическую возможность осуществления исполнителем действия *P* и на наличие свободы исполнителя в выполнении *P*, например:

Я поняла, что это как раз та сторона моего лица, которую не нужно скрывать (М. Варденга. «Галина Тюнина. Фрагменты белого стиха» // «Домовой», 2002.02.04) [НКРЯ]. \approx можно скрывать, можно не скрывать

Mir wurde kein Ultimatum gesetzt. Ich muss mich in dieser Woche nicht entscheiden. ‘Мне не ставили ультиматум. Мне не нужно решать на этой неделе’ (Der Tagesspiegel, 15.04.2004) [DWDS]. \approx на этой неделе решать не обязательно.

В результате возникновения у конструкции алетических смыслов становится возможным противопоставление осуществимости действия и необязательности его выполнения в структурах с союзами *no/aber, doch, jedoch* (можно, но не нужно):

Ich kann mit 30 plus, wenn ich will, Abenteuer erleben, verrückt und spontan sein, aber ich muss nicht. ‘Можно в 30+, если захочу, быть предприимчивой, сумасшедшей и спонтанной, но не нужно’ (Zeit, 28.11.2017, Nr. 48) [DWDS].

Der Gerichtshof kann den Fall dann zur Überprüfung an die 17 Richter der Großen Kammer überweisen, er muss dies aber nicht tun. ‘Затем Суд может передать дело на рассмотрение 17 судьям Большой палаты, но не обязан это делать’ (Die Zeit, 18.03.2014, Nr. 11) [DWDS].

Отсутствие необходимости в осуществлении принудительного действия, оценивается говорящим позитивно, т.е. аксиологической презумпцией выступает не выгодность действия *P* (что происходит в утвердительных деонтических высказываниях), а сама возможность не осуществлять *P*: *не надо P = хорошо, что можно не P [и можно P₁]*, поэтому данные высказывания нередко вводятся аксиологическим модусным предикатом:

Как хорошо, думал я, что мне не придется, объясняясь с израильтянами, прикрывать наш позор обтекаемыми дипломатическими формулами (А. Бовин. «Пять лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства» (1999)) [НКРЯ].

В случае смещения отрицания (Neg-Raising в [7]), или внутреннего отрицания, в коммуникативном фокусе находится смысловый инфинитив: *ты не должен делать P = ты должен не делать P*. Е. В. Падучева подчеркивает, что здесь отмечается следующая синонимия: *не должен делать P ≈ не может делать P* [8, с. 133], т.е. отрицается возможность действия, при этом обязательность сохраняется: действие не должно состояться [9, с. 76]). Алетическая презумпция здесь указывает на возможность совершения субъектом действия *P*, нарушающего норму, а аксиологическая – на выгоду не осуществлять называемое действие (*делать P нехорошо/плохо, следовательно, хорошо не делать P → не надо делать P*), например:

Пусть коммунисты кричат «Долой Собчака!» – ты не должен отвечать. Отмени свое решение, не вызывай ОМОН. Завтра мы все пойдем на концерт. –И он все отменил. (С. Спивакова. «Не все» (2002)) [НКРЯ].

Отрицание одного действия в деонтической конструкции предполагает альтернативу, т.е. необходимость выполнения иного действия (*ты не должен отвечать ≈ ты должен не отвечать [а промолчать]*), что наиболее ярко проявляется в противительных структурах с союзом *a/sondern*, где одна пропозиция (действие) признается неверной и ей противопоставляется иная, правильная. В результате позиция отрицательного маркера в русском языке смещается к отрицаемому смысловому глаголу (*должен не P₁, а P₂*):

Мальчик должен не думать о своем настроении, а справиться с ним. [О. Хухлаев. «Оставьте мужчину в покое!» // «Психология на каждый день», 2010]

Надо не жалеть себя, а бегать, бегать быстро (А. Варламов. «Купавна» // «Новый Мир», 2000) [НКРЯ].

Смещение отрицания происходит также в конструкциях с эксплицитным, снижающим категоричность, эпистемическим модусным предикатом: *я не думаю, не считаю, что надо P*. Глаголы пропозициональной установки не бывают в коммуникативном фокусе, поскольку в центре внимания находится не само наличие мнения, а его содержание [10, с. 396], поэтому, как отмечает И. Б. Шатуновский, отрицание “переносится” от подчиняющего предиката к подчиненной пропозиции [5, с. 72]: *я не думаю, что нужно делать = я думаю, что не нужно делать → я думаю, что нужно не делать*, например:

Ich denke nicht, dass man den Trainer kritisieren muss, nur weil er jetzt mal eine halbe Saison hatte, wo es nicht so richtig lief. Das ist einfach falsch. ‘Я не думаю, что нужно критиковать тренера только за то, что у него половину сезона дела шли не так хорошо. Это просто неправильно’ (Die Zeit, 25.02.2016 (online)) [DWDS]. → *ich denke, das ist falsch, dass man den Trainer kritisieren muss* ‘думаю, неверно, что нужно критиковать тренера’

2. Иллокутивные характеристики отрицательных деонтических высказываний

2а. Прагматика отрицательных второлличных конструкций

Обращение к отрицательным деонтическим высказываниям с субъектом 2-го лица *ты/Вы* показывает, что оно не изменяет прототипическую прагматику деонтических конструкций, а именно директивность. Семантика утвердительных второлличных деонтических высказываний представлена двумя типами иллокуций: прескриптивы и суггестивы (*ты должен, обязан делать P*). В случае с отрицательными конструкциями, где отрицается смысловой глагол, прескриптивность обусловлена более высоким статусом говорящего:

– *У нас будет важный разговор, и вы не должны нам мешать. Поняли?*

– *Поняли, папочка* (И. Пивоварова. «Однажды Катя с Манечкой» (1986)) [НКРЯ].

Это не просьба, не пожелание, а приказ: ты не должен вступать ни с кем ни в какие разговоры о всей этой истории; у тебя должен быть только один ответ: «Я на эту тему не разговариваю» (Ю. Даниэль. «Письма из заключения» (1966–1970)) [НКРЯ].

Однако большинство второлличных конструкций локализовано в зоне суггестивности, что обусловлено аксиологическим фундаментом деонтического высказывания в случае смещения отрицания (ценностной презумпцией «польза неосуществления P»). Употребляя второлличную конструкцию с отрицанием, говорящий хочет помешать осуществлению действия, «угрожающего» адресату:

– *Нет, что вы! Напротив, мы очень просим вас остаться... Нам кажется, после того, что произошло, вы не должны следовать за вашим мужем...* (И. Полянская. «Прохождение тени» (1996)) [НКРЯ].

Для отрицательных конструкций с субъектом 2-го лица характерна отсылка к уже осуществленному действию *P*, т.е. модальное высказывание является реакцией на действие, которое воспринимается как неуместное или отклоняющееся от нормы. В результате деонтическая конструкция, с одной стороны, реализует суггестив, с другой стороны – обогащается негативно-оценочными смыслами, прагматикой порицания (неодобрения, разочарования, недовольства, осуждения, упрека в совершенном действии). Говорящий не прямо критикует действия адресата, а предлагает/рекомендует ему в будущем скорректировать поведение и не повторять, не выполнять «неправильное» действие *P*:

– *Нехорошо, нехорошо, зла не следует помнить, его надо забывать, – с укором проговорил Александр Николаевич* (И. А. Купчинский. «Из воспоминания об Александре Николаевиче Островском» (1896–1913)) [НКРЯ].

Любопытно отметить, что использование глаголов эмоциональных состояний во второлличных отрицательных конструкциях обуславливает реквестивную семантику, которая в целом нетипична для второлличных

конструкций, поскольку необходимое действие согласно аксиологической презумпции деонтического высказывания выгодно не для адресанта, а для исполнителя. В случае отрицания бенефициаром является субъект речи, обращающийся с просьбой о прекращении адресатом пребывания в эмоциональном состоянии (*ты не должен сердиться = не сердись*), которое возникло в результате осуществления говорящим действия, оцениваемого адресатом негативно:

– *Ты не должен на меня злиться, Виктор, я ведь совсем не знаю, что и как происходило в вашей семье, поэтому могу ненароком сказать или спросить что-нибудь такое, что тебе не понравится* (А. Маринина. «Светлый лик смерти» (1996)) [НКРЯ].

Если отсылка к совершенному действию отсутствует, то при помощи вторичных отрицательных конструкций с эмотивными и ментальными глаголами говорящий осуществляет акты утешения, выражение сочувствия. В подобных структурах отрицание относится к деонтическому предикату, что предполагает дизъюнкцию альтернатив и, следовательно, необязательность действия:

– *Но тебе не надо себя ни в чем упрекать. Ты лучше и больше любого пистолета из золота! Ты был просто блистателен, просто блистателен!* (С. Носов. «Фигурные скобки» (2015)) [НКРЯ].

Benni, du bist gut so wie du bist. Du musst nicht alles auf dich beziehen. ‘Бенни, ты хорош таким, какой ты есть. Ты не должен все принимать на свой счет’ (Der Tagesspiegel, 19.01.2003) [DWDS].

При этом рекомендация не пребывать в эмоциональном состоянии, обычно уже имеющем место в момент речи, как правило, сопровождается объяснением причин, почему данное состояние оказывается с точки зрения говорящего неправильным: *ты не должен бояться = ты можешь не бояться, нет причин, чтобы бояться*.

Аналогичную прагматику реализуют отрицательные вторичные конструкции при отнесении темпорального плана к будущему (*не надо будет, не придется* и т.п.), что характерно для русского языка:

– *И не бойся, тебе не придется разъезжать одной по железной дороге* (А. Морозов. «Прежние слова» (1985-2001) // «Знамя», 2002)) [НКРЯ].

– *К понедельнику весь бардак тут разгребут, тебе не надо будет возиться* (Т. Устинова. Подруга особого назначения (2003)) [НКРЯ].

В диалогической речи вторичные конструкции, будучи реактивными репликами, являются контекстно-зависимыми: они «отзеркаливают» предыдущую реплику и реализуют несогласие (возражение). Это так называемые случаи «перечеркивания необходимости» (см. подробнее о «verbal crossing out» [9, с. 76]), например:

– *Да... но я останусь. – Нет, не нужно. Идите!..* (П. Д. Боборыкин. «Василий Теркин» (1892)) [НКРЯ].

– Должно быть, потому, что считаю вас серьезным человеком, **верю** вам... – **Не надо верить!** – сказал Евсей (М. Горький. «Жизнь ненужного человека» (1908)) [НКРЯ].

Второличные отрицательные конструкции с отрицаемым ментальным глаголом *знать/wissen* выражают коммуникативный запрет, подразумевая нежелание говорящего предоставлять информацию: *ты не должен знать* → *я не буду об этом говорить*, демонстрируя сложное семантическое переплетение деонтики и волитивности. Нежелание обусловлено аксиологической презумпцией деонтического высказывания, которая свидетельствует о выгоде незнания *p* для модального субъекта, при этом отрицание относится к ментальному глаголу: *ты не должен знать p* = *ты должен не знать p* → *тебе лучше не знать p*. Импликатурой здесь является выраженный или невыраженный запрос адресата, который предполагает, что он должен нечто узнать, то деонтическое высказывание является (квази) реагирующим (*– я должен знать p*. – *Нет, ты не должен*), например:

– Но объяснять я ничего не стану. **Ты не должен знать. Это тебя не касается** (С. Лукьяненко. «Ночной дозор» (1998)) [НКРЯ].

– *Ist es das, was dir passiert ist?* – ***Du musst nicht wissen, was mir widerfahren ist*** ‘– Это то, что случилось с тобой? – Тебе необязательно знать, что со мной случилось’ («Navy CIS» Recoil, 2008 (Filmuntertitel)) [DWDS].

2б. Прагматика отрицательных перволичных конструкций

Утвердительные перволичные конструкции с субъектом *я/ich* в зависимости от типа семантического типа смыслового глагола реализуют репрезентативные, экспрессивные, интеррогативные иллокуции (ср.: *я должен поблагодарить, извиниться, подчеркнуть; я должен гордиться; я должен идти, иначе не успею; я должен подумать; я должен знать законы; я должен знать, кто он*). В случае наличия отрицания перволичные конструкции локализуются в зоне «чистой» репрезентативности.

Отрицательные перволичные конструкции, где отрицание относится к деонтическому предикату, сообщают об определенном действии, которое находится вне зоны ответственности говорящего. Выбор той или иной альтернативы (*я не должен делать P* = *могу делать, могу не делать*) обусловлен волей говорящего, поэтому можно утверждать, что семантика конструкций осложняется волитивным компонентом. Подобное семантическое наложение (деонтики, алетики и волитивности) определяет тот факт, что в диалогической форме они реализуют прагматику несогласия и отказа, которые могут поддерживаться дополнительно иными вербальными маркерами, например:

– Получил доход 100 тысяч, отдаю в казну 15 процентов – и до свидания. **Отстаньте от меня. Я не должен вам нести никаких справок. Если вы не верите, что мой доход именно таков, если думаете, что я заработал больше, – доказывайте! Это ваша проблема. А у меня вместо проблемы – презумпция невиновности** (Б. Немцов. «Провинциал в Москве» (1999)) [НКРЯ].

– *Dann können Sie doch die Sekunde warten. – Ich muss aber nicht.* ‘– Тогда вы же можете подождать секунду. – Но я не должен’ (Berliner Zeitung, 24.04.2004) [DWDS].

Конструкция с ментальным глаголом *знать* в случае отрицания деонтического предиката также является сообщением об отсутствии обязанностей: *я не должен знать* = *это не входит в мои обязанности*, например:

– *По коридору? Не знаю. Мало ли тут ходят. Я не должен знать, кто мимо пройдет* (З. Н. Гиппиус. «Мисс Май» (1896)) [НКРЯ].

Аксиологическая презумпция, т.е. возможность не осуществлять действие (*не надо P* = *хорошо, что можно не P*) обуславливает в отрицательных конструкциях с ментальным глаголом *думать* в ЛСВ «беспокоиться» реализацию сообщения о том, что говорящий испытывает облегчение от устранения необходимости эмоционально-ментального напряжения:

– *Теперь я бросил службу, мне не надо думать о будущем, и я наконец начну жить так, как хотел жить всегда* (Г. А. Газданов. «Эвелина и ее друзья» (1968)) [НКРЯ].

В случае смещенного отрицания перволичные конструкции выражают сообщение-мнение о необходимости недействия на основании объективных причин, указываемых в контексте:

– *Кроме того, я – министр правительства Российской Федерации. Я не должен ночевать в хрущевках и жарить антрекоты. Это не по правилам* (Т. Устинова. «Большое зло и мелкие пакости» (2003)) [НКРЯ].

Ich muss aber nicht jedes Mal ins Labor, um am Rosenöl zu schnuppern, ich kenne die Düfte und weiß, welche Wirkung ich damit erziele. ‘Но мне не нужно каждый раз ходить в лабораторию, чтобы понюхать розовое масло, я знаю ароматы и какого эффекта ими можно добиться’ (Die Zeit, 14.05.2013, Nr. 20) [DWDS].

Перволичные конструкции с ментальным глаголом *знать* в случае смещения отрицания являются косвенным способом выражения нежелания говорящего знать *p*: *я не должен знать p* = *я должен не знать p*. В диалоге данные конструкции реализуют своеобразный коммуникативный отказ или запрет коммуникативного типа (*мне не нужно знать* = *не говори, потому что мне не важно, не интересно, это бесполезно для меня; не хочу знать*). И. Н. Борисова подчеркивает, что подобное тематическое «сдерживание» представляет сравнительно щадящий способ снижения активности собеседника, поскольку его личная сфера напрямую не затрагивается [11, с.179, 198, 201, 203]:

– *Мне не нужно знать, какие у вас отношения; я в дела фамильные не мешаюсь, это ваше дело* (Н. В. Гоголь. «Мертвые души» (1842)) [НКРЯ].

В перволичных конструкциях с коммуникативными глаголами (*говорить, напоминать, подчеркивать/betonen*) отрицание нейтрализует

перформативность и переводит их в зону аномальной констативности: ‘я сообщаю, что то, что я произнесу, не необходимо’. Это так называемые «самофальсифицируемые высказывания, превратившиеся в речевые клише» [10, с. 456], когда говорящий утверждает, что *p* не будет сказано, но *p* произносится:

Думаю, мне не надо подчеркивать, что твоя (или твоих ребят) работа, как и все расходы по этому делу, будут немедленно оплачены (Д. Рубина. «Белая голубка Кордовы» (2008–2009)) [НКРЯ].

Ich muss nicht betonen, dass ich als Bundesminister der Verteidigung meinen Soldatinnen und Soldaten danke, die im Ausland eingesetzt sind. ‘Излишне говорить, что как федеральный министр обороны я благодарю своих солдат, дислоцированных за границей’ (Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll Nr. 15/34 vom 19.03.2003, S. 2800) [DWDS].

Таким образом, взаимодействие отрицания с обязательными компонентами деонтического высказывания (либо с деонтическим предикатом, либо со смысловым глаголом) обуславливает различную алетическую и ценностную презумпцию деонтического высказывания, что в свою очередь ведет к различиям в семантике и прагматике деонтических конструкций, которые в рассматриваемых языках демонстрирует полное сходство. Отрицательные конструкции с фокусом на деонтическом предикате являются деонтическими лишь формально: семантически в них происходит сильное смещение в область алетических смыслов.

Отрицание расширяет коммуникативные возможности деонтических конструкций с модальным субъектом 2-го лица. Их директивные прагматические характеристики зависят от таких параметров ситуации, как статус говорящего (статусно нисходящее побуждение) и побуждение к совершению либо несовершению действия. Такие факторы, как наличие алетического значения, а также определенный семантический тип смыслового глагола (ментальные и эмоциональные) приводят к реализации вторичными отрицательными конструкциями социальных актов поддержки адресата.

Для первичных конструкций отрицание выступает компонентом, сужающим прагматические возможности и локализуящим их в зоне «чистой» репрезентативности. Они сообщают либо о действии, находящемся за пределами обязанностей говорящего, либо отрицают необходимость осуществления действия в связи с несоответствием объективным основаниям.

В диалогическом общении отрицательные конструкции являются оценочными актами несогласия (возражением, отказом).

Данное исследование в определенной степени заполняет лауну в описании коммуникативных смыслов, формируемых деонтическим высказыванием.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Horn, L. L.* A Natural History of Negation / L. L. Horn. – Stanford : CSLI Publications, 2001. – 637 p.
2. *Horn, L. L.* Negation and Polarity: Syntactic and Semantic Perspectives / L. L. Horn, Y. Kato. – N.Y. : Oxford University Press, 2003. – 596 p.
3. *Шатуновский, И. Б.* Аномалия и отрицание (к проблеме перенесения отрицания) / И. Б. Шатуновский // Логический анализ языка : Противоречивость и аномальность текста : сб. ст. / АН СССР. Ин-т языкознания; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1990. – С. 71–83
4. *Падучева, Е. В.* Русское отрицательное предложение / Е. В. Падучева. – М. : Языки славянской культуры, 2013. – 304 с.
5. *Шатуновский, И. Б.* Семантика предложения и нерелевантные слова: значение, коммуникативная перспектива, прагматика / И. Б. Шатуновский. – Москва : Шк. «Языки русской культуры»: Кошелев, 1996. – 399 с.
6. Duden, Die Grammatik : unentbehrlich für richtiges Deutsch / hrsg. von der Dudenredaktion [Red. Bearb.: K.Kunkel-Razum ; Fr. Münzberg. Autoren: Peter Eisenberg ...] // Der Duden in 12 Bänden. Bd. 4. – 8., überarb. Aufl. – Mannheim ; Wien ; Zürich : Dudenverl., 2009. – 1343 S.
7. *Horn, L. R.* Remarks on neg-raising / L. R. Horn // Syntax and semantics. N.Y., 1978. – Vol. 9 : Pragmatics. – P. 129–220
8. *Падучева, Е. В.* Эгоцентрические единицы языка / Е. В. Падучева. – 2-е изд. – М. : Издательский Дом ЯСК, 2019. – 440 с.
9. *Palmer, F. R.* Modality and the English Modals / F. R. Palmer. 2nd ed. – London : Longman, 1990 – 220 p.
10. *Булыгина, Т. В.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.
11. *Борисова, И. Н.* Русский разговорный диалог: Структура и динамика / И. Н. Борисова. – Изд. 3-е. М. : Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2009. – 320 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 21.05.2022.

Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts. [Online]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.dwds.de> – Дата доступа : 12.05.2022.

Поступила в редакцию 27.03.2023